
Андрей Любимов
Пропажа с огоньком

Диана Фурсова

Пропажа с огоньком

«Литнет»
2026

Фурсова Д.

Пропажа с огоньком / Д. Фурсова — «Литнет», 2026

В сорок шесть лет Агнесса Мартен наконец решается на свидание с Вальтером. Он — дракон и мастер каменных лестниц. С ним Агнессе на удивление легко. Прогулка удаётся, а дома выясняется, что из запертой квартиры исчезла латунная черепаха. Агнесса купила её на первые деньги за уроки.На полном заводе черепаха делает двадцать шагов и идёт только за живым огнём. Как она оказалась за пределами квартиры? Если её выманили, тот, кто это сделал, хорошо знал её устройство. В прошлый четверг она вполне могла пить с ним чай.Пока дознавательница проверяет улики, Агнесса пытается сохранить комнату, где учит взрослых арифметике. И всё-таки ей хочется второго свидания. Хорошо бы в этот раз обойтись без похода в участок.

© Фурсова Д., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Двадцать шагов 5
Глава 2. Своя покупка 8
Глава 3. Обычные дела 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Глава 1. Двадцать шагов

— Если она сейчас полезет в пирог, я не виновата, — предупредила я.

Вальтер придвинул к себе блюдце, на котором лежал последний кусок сливового пирога.

— Это можно понять как угрозу.

— Это можно понять как просьбу убрать свечу.

Он переставил подсвечник. Латунная черепаха на чайном столике повернула голову, медленно подняла переднюю лапу и пошла к новому огоньку. За соседним столом перестали разговаривать. Рихард даже не донес кувшин до стойки: так и остался посреди своей чайной, слегка наклонившись, будто от его усердия зависело, доберется ли моя черепаха до цели.

Я придержала деревянный бортик у края столика. Черепаха ткнулась в него носом, дважды шевельнула лапами и замерла.

— Всё, — сказала я. — Двадцать.

— Я насчитал девятнадцать, — возразил Теодор Гербст.

— Первый вы пропустили, пока забирали у Рихарда сахарницу.

— Я ее не забирал.

Рихард посмотрел на сахарницу возле его локтя.

— Тогда она сама пришла, — сказал он. — Сегодня подходящий вечер.

Вальтер рассмеялся. Я поглядела на него поверх черепашьего панциря и вдруг пожалела, что согласилась сначала встретиться здесь, со всеми. Два месяца мы здоровались на прогулках вдоль реки, иногда задерживались у одного продавца горячих каштанов, однажды вместе провожали до дома промокшую Лотту. А неделю назад он сказал, что хотел бы увидеть меня не случайно.

Я ответила, что по четвергам бываю у Рихарда.

Слова получились разумные. Почти все мои слова сперва получались разумными. Уже дома я поняла, что могла бы назвать любое другое место и что он, вероятно, не собирался ухаживать за мной в присутствии шести любителей заводных механизмов.

Теперь он сидел рядом, терпеливо слушал объяснения и охранял свой пирог от латунного пресмыкающегося. Темно-каштановые волосы падали ему на лоб, когда он наклонялся к столу. В свои сорок восемь он выглядел чуть моложе, чем я предположила при первой встрече: тогда всё решил строгий взгляд карих глаз. У него были широкие ладони с коротко обрезанными ногтями, небольшая белая полоска над большим пальцем и очень спокойный голос. Мне хотелось знать, останется ли этот голос спокойным, если я возьму его за руку.

— А если поставить две свечи? — спросил Вальтер.

— Пойдет к той, которая ближе. Если одинаково близко, будет поворачиваться, пока одна не окажется перед носом. Решительности в ней немного.

— Узнаю кое-кого из заказчиков.

Я завела пружину, повернув ключ до мягкого упора, и поставила черепаху в середину свободного подноса. Вальтер принес второй подсвечник. Слева огонь был ближе, справа дальше. Черепаха повернула налево. Тогда я закрыла левую свечу непрозрачным жестяным колпачком. Лапы остановились, голова дрогнула и медленно развернулась к другому свету.

— Она видит? — спросил кто-то за спиной.

— Знак под панцирем откликается на живое пламя. Не на человека и не на мысли. Каменная лампа ей совершенно безразлична.

Я прикрыла вторую свечу ладонью, не касаясь огня, и черепаха остановилась. Когда убрала руку, она продолжила свой неторопливый путь.

— Забавно, — сказал Эмиль Дорн. — У большинства этих моделей отклик только вперед. А ваша еще и ищет направление.

Он сидел на другом конце длинного стола, рядом со своей небольшой коробкой из серого дерева. В частном собрании на Биржевой улице Эмиль смотрел за моделями, которые дети обычно принимали за игрушки, а взрослые рассматривали с таким видом, словно никогда не испытывали желания пустить заводную лодочку по луже. На наших четверговых встречах он чаще слушал, чем говорил. Зато уж если начинал объяснять устройство, приходилось ждать, пока объяснит до конца.

— Она ничего не ищет, — сказала я. — Поворачивается на огонь. Мы приписываем ей гораздо больше, чем в ней есть.

Черепаха в этот момент врезалась в свернутую салфетку и застыла с поднятой лапой. Получилось достаточно убедительно.

Теодор наклонился ближе. На его жилете блестела цепочка с тремя маленькими ключами. Он никогда не показывал, какие именно вещи ими заводит, но поглаживал ключи в разговорах так часто, что я невольно думала: может быть, коллекция у него начинается и заканчивается на жилете.

— Агнесса, мое предложение остается в силе.

— Я помню.

— Двадцать восемь крон. Это больше, чем она стоила новой.

— Я купила ее восемь лет назад за девять. Тогда она уже не была новой.

— Вот видите.

Я сняла черепаху с подноса и поставила на мягкую ткань в своем коробе.

— Теодор, я вижу только, что вам она нравится. Мне тоже.

Он поджал губы. Его раздражало, когда разговор о деньгах не заканчивался расчетом.

— Вы пользуетесь ею как обычной забавой.

— Да. Иногда даже улыбаюсь.

Вальтер кашлянул в кулак, скрывая смех. Теодор покраснел, и мне стало немного стыдно. Я нарочно сказала так, чтобы все за столом посмеялись над ним.

— Простите, — добавила я. — Я не хотела вас задеть. Просто не продаю. Совсем.

Он кивнул и отвернулся к Эмилю. Разговор пошел о корабельном механизме, который недавно появился в собрании. Я закрыла короб, продела ремешок в пряжку и обнаружила, что Вальтер смотрит не на черепаху.

— Что?

— Вы хотите остаться?

Я оглянулась. Рихард уже нес вторую порцию чая. Теодор размахивал ложкой, доказывая что-то Эмилю. У окна две женщины рассматривали крошечную мельницу. Моя привычная четверговая жизнь продолжалась и, по всей видимости, не собиралась останавливать меня у двери.

— Нет, — сказала я. — Не хочу.

На улице пахло теплой пылью и рекой. В начале сентября вечера еще оставались длинными, хотя в низких местах уже скапливалась прохлада. Вальтер предложил понести короб. Я отдала его без церемонии: вещь была нетяжелая, но ремень неприятно врезался в пальцы.

Мы пошли не к моему дому, а сначала к воде. Я рассказала ему о женщине, которая на вечерних занятиях упорно считала стоимость четырех дюжин булок вместо четырех штук, потому что всю жизнь пекла на большую семью. Он рассказал о заказчике, который хотел широкую лестницу, но не собирался расширять для нее ни двор, ни дверной проем. Мне нравилось, что в его рассказе заказчик не был дураком. Он просто хотел невозможного и сердился, когда ему показывали, сколько места занимают человеческие ноги.

— А вы всегда терпеливо объясняете? — спросила я.

— Нет. Иногда я выхожу во двор и молчу там.

— Очень удобно для окружающих.

— Не всегда. Они думают, что я все еще слушаю из-за двери.

Я рассмеялась и на ходу взяла его под руку. Он не посмотрел на мою ладонь, не прокомментировал ее появление, только чуть приблизился, чтобы нам было удобнее идти.

У моего дома он поставил короб на широкую ступень. Я уже достала ключ, но не вставила его в замочную скважину.

— В следующий раз можно без черепахи, — сказал Вальтер.

— Вы не поладили?

— Боюсь, мне с ней трудно соперничать за ваше внимание.

На этот раз я не нашла разумного ответа. Он это заметил. Мы оба замолчали, и пауза оказалась совсем не такой неловкой, как я ожидала.

— Можно? — спросил он негромко.

Я кивнула.

Поцелуй вышел осторожный, теплый, с едва заметной заминкой, когда я поднялась на носки, хотя этого совершенно не требовалось. Вальтер улыбнулся мне в губы, и я сама рассмеялась, не отстраняясь далеко.

— Я давно не репетировала, — сказала я.

— Я тоже пришел без подготовки.

Он коснулся пальцами моей щеки. Потом поднял короб и подал мне. Я взялась за ремень, а Вальтер еще мгновение придерживал короб снизу. Мне уже хотелось увидеть его снова.

Я поднялась по лестнице, открыла квартиру и только тогда позволила себе широко улыбнуться. Черепаха тихо стукнулась о стенку короба. Ее собственный вечер, насколько можно было судить, прошел вполне обычно.

Глава 2. Своя покупка

В прихожей я коснулась губ пальцами и улыбнулась собственной осторожности: словно поцелуй можно было стереть, пока снимаешь запыленные туфли. От пальцев пахло кожаным ремнем короба, а мысли все еще возвращались к Вальтеру.

Я поставила черепаху на стол и отнесла короб в шкаф. В квартире было душно после целого дня с закрытыми окнами. Со двора доносился стук посуды: внизу жили двое братьев, которые каждую неделю собирались ужинать тихо и каждую неделю обнаруживали, что не умеют.

На полу у двери лежал конверт из училищной конторы. Я подняла его, решив прочесть утром, потом все-таки распечатала. Если письмо требовало неприятного ответа, за ночь можно было хотя бы придумать первые вежливые слова.

Вежливых слов понадобилось много. Контора просила до пятницы через две недели представить сведения о числе постоянных слушателей, расходах и плате за помещение. Договор на вечерние часы заканчивался в конце месяца. Следовало также объяснить, почему для занятий нужно четыре дня в неделю, если в журнале отмечены только два.

Я прочла последнюю строчку дважды. В журнале отмечали оплату комнаты. Занятия отмечали в другой тетради. Видимо, в конторе эти две вещи успели познакомиться и произвести на свет сомнение в моей добросовестности.

Я достала обе тетради, но не открыла. Сегодня я не собиралась проводить вечер с человеком, который придумал свести мою работу к двум клеткам. Даже если этот человек сидел только у меня в голове.

Черепаха блеснула под лампой. Я купила ее в тот год, когда ушла из счетной конторы и впервые получила деньги именно за преподавание. Не за помощь с чужими счетами, не за переписанные ведомости, а за то, что господин Розе перестал путать остаток товара с выручкой. Он принес плату в маленьком бумажном пакете, пересчитал при мне и сказал:

— Теперь я понимаю, за что плачу.

Я тогда так обрадовалась, что почти предложила ему забрать половину обратно.

Девять крон за старую заводную вещь были заметными деньгами. Я трижды прошла мимо лавки, прежде чем вошла. Хозяин каждый раз узнавал меня через стекло и не пытался окликнуть. Это внушало доверие сильнее любой скидки.

В первый вечер я поставила черепаху на кухонную доску. Она пошла к свече и уперлась носом в солонку. Я рассмеялась в пустой квартире так громко, что Лотта потом спросила, кто приходил.

Никто не приходил. Просто мне впервые за долгое время понравилась вещь, которую я выбрала без всякой пользы.

На галерее скрипнула дверь. Лотта постучала двумя согнутыми пальцами, как всегда делала, когда считала, что у меня еще не поздно.

— Ты вернулась?

— Нет, это очень убедительная замена.

Она заглянула, увидела меня, черепаху и раскрытый конверт.

— Все-таки считаешь после чайной?

— Только собираюсь сердиться на тех, кто считает неправильно.

Лотта взяла письмо, прочла первые строки и вернула.

— Опять комнату делят?

— Пока бумагу. До комнаты, вероятно, доберутся, когда увидят мой ответ.

— У нас здесь половина людей научилась не давать себя обсчитывать после твоих занятий.

— Половина нашего дома — это ты и госпожа Вирт.

— Мы тоже люди. И обе платим хозяину вовремя.

Она села у двери, не снимая домашней шали. Я рассказала ей про Розе. Лотта слушала, покачивая туфлей, и вдруг спросила, почему я нигде не записываю такие вещи.

— Какие?

— Кто чему научился. У тебя ведь все числа есть. А зачем они человеку понадобились, помнишь только ты.

Я посмотрела на конверт. В нем требовали таблицу, а не истории. Но Лотта была права в одном: если я пришлю только размер платы за комнату, в конторе увидят ровно плату за комнату.

— Я не стану выставлять учеников напоказ, — сказала я.

— Тогда спроси, что они разрешают рассказать. Я бы разрешила про сдачу. Только не пиши, что я раньше считала на пальцах. Я и сейчас считаю, когда удобно.

Я рассмеялась. Потом заметила, что Лотта смотрит на мое лицо с совершенно другим интересом.

— Что?

— Ничего. Хорошо погуляли?

Я могла ответить привычным «обычно». Вместо этого кивнула.

— Очень.

Она не потребовала подробностей. Только поправила край шали и сказала, что черепаха на сегодняшнем показе вела себя лучше Теодора.

Когда соседка ушла, я убрала ведомости в ящик. На чистом листке записала: «Спросить разрешения. Показать работу, а не оправдываться заранее». Последнее зачеркнула. Опять получилось, будто я уже спорю с человеком, который еще ничего мне не сказал.

Я умылась и распустила волосы. В зеркале осталось мое обычное лицо: сорок шесть лет, две складки у рта, прядь, которая все равно выбивается с правой стороны. Я посмотрела на него внимательнее. Вальтер сегодня видел именно это лицо и, насколько можно было судить, не искал другого.

Перед сном я хотела пустить черепаху еще раз. Поставила свечу на стол, потом передумала. Пружину пришлось бы заводить, убирать чашки, следить за краем. Мне хотелось лечь и вспомнить прогулку.

Я погасила огонь. Черепаха осталась на сукне, совершенно довольная тем, что я перестала приписывать ей необходимость участвовать во всех моих вечерах.

Глава 3. Обычные дела

В пятницу вечерняя группа собиралась ра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.